

Ирене Шнейдере

Рига, Латвия

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПЕРЕЖИВШИХ ХОЛОКОСТ ЕВРЕЕВ ЛАТВИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В заключительной части практически всех публикаций о тотальном геноциде еврейского народа в годы Второй мировой войны в нацистской Германии и в оккупированных ею странах (в том числе и в Латвии) обычно упоминается число жертв этой страшной трагедии, а также численность тех, кому посчастливилось пережить *Холокост в конкретной стране, о которой идет речь. Это совершенно логично: после разгрома нацизма жители европейских стран постепенно начали понимать, с чем столкнулся мир в годы страшной войны. И у читателей, по крайней мере по отношению к евреям бывшего Советского Союза, а значит, и Латвии может создаться совершенно неправильное представление, что у переживших Холокост все самое страшное было уже позади и после окончания войны «они жили долго и счастливо» — как в сказке. Реальность была намного сложнее. Никем не подвергается сомнению тот факт, что именно войска Советского Союза освободили многие страны Европы от нацистской оккупации и таким образом спасли жизни оставшихся к тому времени в живых евреев, но в то же время органы государственной безопасности того же Советского Союза преследовали бывших узников *гетто за то, что тем удалось выжить.

Когда года два тому назад мне впервые об этом рассказал М. А. Вестерман¹ — бывший узник Рижского гетто, а ныне историк, я, честно говоря, не поверила. Если и были отдельные случаи, то это никак не могло быть связано с пребыванием этих людей в гетто, подумала я тогда. «Дело врачей», процесс над участниками *Еврейского антифашистского комитета, убийство Соломона Михоэлса², а затем свертывание всей общественно-культурной жизни евреев в СССР, организованная государством кампания против «безродных космополитов», постепенное введение различного рода ограничений для евреев, более или менее последовательные чистки руководящего состава «еврейской национальности», как тогда было принято говорить и писать, в различных отраслях экономики, науки и культуры — все это известно. К сожалению, нельзя утверждать, что эти явления и их особенности в различных регионах бывшего Советского Союза изучены, но в принципе об этом знают — в последнее десятилетие об этом писали не только публицисты, но и ученые. В последние годы вышли целый ряд изданий — сборников документов и материалов, монографических исследований и статей о политике государственного антисемитизма, осуществлявшейся на «одной шестой» земного шара после Второй мировой войны³. Тем не менее с документальной базой исследований в России сложилась парадоксальная ситуация: несмотря на то, что еще в 1996 г. был издан документальный сборник о Еврейском антифашистском комитете⁴, в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), где хранится фонд этого комитета, мне отказались дать даже опись, сказав, что материалы еще не рассекречены. Учитывая это, можно с полной уверенностью сказать, что многие открытия у историков еще впереди. Вопрос только во времени. Правда, лучше раньше, чем позже.

В этом смысле положение с архивами в Латвийской Республике отличается от России явно в лучшую сторону, и найти ответы на вопросы, как и когда, кто и кого арестовывал, можно благодаря тому, что в Латвийском государственном архиве (ЛГА) хранятся уголовные дела из бывшего архива Комитета государственной безопасности (КГБ) при Совете министров Латвийской ССР⁵. Именно эти материалы и легли в основу данной статьи.

Все познается в сравнении, гласит народная мудрость. Аресты выживших узников гетто — это отнюдь не уникальное явление, присущее исключительно Латвии, как может показаться после прочтения этой статьи. Приведу всего лишь один пример. Работая в Москве, в бывшем Центральном партийном архиве ЦК КПСС (сейчас это вышеупомянутый РГАСПИ), в фонде В. М. Молотова я наткнулась на документ, который меня просто шокировал. Ничего подобного в архивах Латвии и в материалах московских архивов о Латвийской ССР я не встречала. Этот документ — докладная записка секретаря ЦК Компартии Белоруссии «О разгуле сионизма и преступной деятельности американской шпионской организации *“Джойнт” в республике»⁶. Помимо трафаретных фраз о международном империализме и его происках и чисто пропагандистских утверждений в духе времен «холодной войны», в документе делается вывод о необходимости решительно и безотлагательно разрешить наконец вопросы, связанные с евреями. Но самое интересное заключается в том, что этот документ из Белоруссии в значительной степени предвосхитил события, поскольку он датирован 1948 г. Недаром он лег на стол к В. М. Молотову, который в это время занимал посты заместителя председателя Совета министров СССР и министра иностранных дел. Да, убийство С. М. Михоэlsa было уже позади, но самые крупные процессы и впечатляющие идеологические кампании — еще впереди. Так что, думается, не только в Латвии и других прибалтийских республиках, но и в Белоруссии проходили аресты бывших узников гетто на фоне организованной антисемитской кампании. Почему об этом не пишут? Для меня этот вопрос остается открытым.

Что касается Латвии, то пока не могу ответить на, казалось бы, самый элементарный (для неспециалиста) вопрос: сколько всего здесь было арестовано бывших узников гетто? Поскольку поиск материалов — достаточно сложная и кропотливая работа, выявление уголовных дел репрессированных евреев Латвии приходится вести постепенно, вернее, поэтапно. Известно, что в ходе следствия органы государственной безопасности выясняли у арестованных не только личности родственников и друзей, о которых собиралась вся возможная информация, но и о знакомых в самом широком смысле этого слова: друзья детства, одноклассниках, коллегах и даже о людях, с которыми арестованный познакомился, например, где-нибудь в гостях и в дальнейшем не поддерживал с ними никаких отношений. Это еще раз подтверждает факт, что значительная часть населения бывшего Советского Союза находилась «под колпаком» репрессивных органов, зачастую даже не подозревая об этом.

Поиск интересующих нас в связи с заявленной темой уголовных дел осуществлялся в несколько этапов. Первый шаг — выявление хотя бы одного дела арестованного после Второй мировой войны еврея, следующий шаг — установление всех упомянутых в деле лиц и, наконец, найти искомое дело в ЛГА, основываясь на издании «От НКВД до КГБ. Политические процессы в Латвии, 1940 — 1986»⁷, содержащем указатель жителей Латвии, обвиненных в преступлениях против советской власти. (Издание подготовлено сотрудниками Института истории Латвии Латвий-

ского университета во главе с доктором истории Р. Вилксне.). Для иллюстрации приведу всего лишь один пример. На допросе 13 октября 1950 г. следователь заставил арестованного Б. Каплана, которому удалось бежать из Рижского гетто в 1943 г., назвать тех, кто бежал тогда вместе с ним. В протоколе зафиксирован ответ: «Во время немецкой оккупации на территории Латвийской ССР в 1941—1944 гг. находилось “гетто” (так в документе. — *И. Ш.*) и в живых остались следующие люди, которых я знаю: Данилин Виктор, 1903 г. рождения; Кремер Марк, 1898 г. рождения; Михельсон Макс, 1902—1903 г. рождения; Раге Моисей Львович, 1903 г. рождения; Хаит Исаак, примерно 30—35 лет; Шпиц, примерно 30—35 лет; Вассерман, примерно 30 лет; Пресс, примерно 60 лет; Ханин Вульф, 33—34 года; Долгигер, 35 лет; Перевозкин, примерно 30—35 лет»⁸.

Из перечисленных 11 человек, судя по материалам дела, двое — Шпиц и Вассерман в 1946 г. уехали в Палестину. Сверив оставшиеся имена со сведениями из названного указателя, удалось выяснить, что пятеро (!) были арестованы: М. Кремер, М. Михельсон, И. Хаит, Б. Пресс, Д. Долгигер. Таким образом, отбор дел осуществляется постепенно, поэтому, естественно, нельзя утверждать, что выявлены все арестованные в Латвийской ССР евреи и их судьбы. Однако уже обобщенный материал позволяет сделать некоторые выводы. В контексте рассматриваемой темы, основываясь на характере выдвинутых в ходе следствия обвинений, политические процессы против евреев в первые послевоенные годы в Латвийской ССР можно условно разделить на три основные группы:

— те пережившие Холокост, главным преступлением которых было «сотрудничество» с немецко-фашистскими захватчиками в то время, когда эти люди были заключены в гетто. В обвинительных заключениях это квалифицировалось как «измена Родине»;

— представители еврейской интеллигенции (писатели, журналисты, педагоги), которые до аннексии Латвии Советским Союзом жили в независимой Латвийской Республике и активно участвовали в еврейской общественной и культурной жизни. Они были арестованы по различным обвинениям (шпионаж, антисоветская или контрреволюционная деятельность, антисоветская пропаганда) по печальной знаменитой 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР⁹. Многие из них тоже пережили Холокост, но причина их ареста не была связана с пребыванием в гетто¹⁰;

— евреи, связанные с возобновлением деятельности религиозных общин. Среди них тоже были пережившие Холокост, но причина их ареста была связана именно с религиозной деятельностью, хотя и их допрашивали с пристрастием о том, каким образом им удалось выжить в гетто.

Первые аресты переживших Катастрофу, судя по материалам бывшего архива КГБ, были произведены уже в конце 1944 г., буквально через считанные недели после того, как на территории Латвийской ССР развернули свою деятельность репрессивные органы. И продолжались эти аресты вплоть до смерти «вождя всех времен и народов товарища Сталина».

Целью данной статьи является исследование первой из названных трех групп репрессированных.

Прежде всего следует подчеркнуть, что не только советские репрессивные, но и государственные и партийные органы с подозрением относились ко всем, кто находился на оккупированной нацистской Германией территории и остался жив. До самых последних лет советской власти в анкетах существовала даже специальная графа, где следовало указать, «находился ли на оккупированной территории»; при этом

следовало уточнить, «где, когда, чем занимался». С еще большей подозрительностью относились к репатриантам. В соответствии со специальным распоряжением все они должны были перед возвращением на родину проходить проверку в фильтрационных лагерях (пунктах). Проверка эта иногда продолжалась в течение нескольких месяцев.

Таким образом, все пережившие Холокост автоматически попадали в число подозрительных лиц. Не зря всем без исключения евреям, прошедшим через гетто, в ходе следствия неоднократно задавался один и тот же вопрос: почему они не эвакуировались во внутренние районы Советского Союза? И арестованным приходилось оправдываться в том, в чем они совершенно не были виноваты, поскольку, как известно, органами советской власти в июне 1941 г. не была организована эвакуация желающих покинуть Латвийскую ССР. Более того, известно много случаев, когда людей заворачивали домой на прежней границе Латвийской Республики. В октябре 1950 г. арестованный И. Хаит, отвечая на вопрос следователя о том, почему он остался на оккупированной противником территории, пояснял: «У меня было двое детей, к тому же жена была в положении, она не хотела уезжать, поэтому я остался в Риге вместе с семьей»¹¹. А арестованный в декабре 1951 г. Сэм Майзель на аналогичный вопрос ответил так: «Моя мать была больна, я не мог ее бросить, поэтому остался на оккупированной немцами территории»¹². Аналогичные ответы можно найти и в других делах. Несомненно, они лишь частично отвечают на вопрос, почему большинство евреев Латвии не эвакуировались. Эта сложная тема является предметом отдельного исследования.

Анализ следственных материалов арестованных евреев позволяет ответить на целый ряд вопросов.

1. Какие организации производили аресты?
2. Что служило основанием для арестов?
3. В чем конкретно обвиняли заключенных? Что было зафиксировано в обвинительных заключениях?
4. Кто рассматривал дела — суд или внесудебный орган?

Как уже отмечалось, аресты начались уже в конце 1944 г., а производили их Народный комиссариат (с марта 1946 г. — Министерство) государственной безопасности Латвийской ССР, а также «Смерш»¹³ — военная контрразведка. Одной из задач «Смерш» была борьба с теми, кто сотрудничал с нацистским оккупационным режимом, и проверка репатриантов. Именно поэтому в круг репрессированных этим органом людей попали и пережившие Холокост. Об этом свидетельствуют также протоколы допросов, где арестованные поясняют, где находились в тот или иной период времени в годы Второй мировой войны. Обычно арестованный поясняет, что вместе с другими евреями, оказавшимися за пределами Советского Союза, прошел фильтрацию НКВД СССР.

18 мая 1945 г. НКВД Латвийской ССР за «сотрудничество с администрацией “гетто”» была арестована Соня (Софья?) Кригер. На вопрос следователя, при каких обстоятельствах она была освобождена, эта женщина подробно рассказала, что сначала попала в Рижское гетто, затем — в так называемое «малое гетто»¹⁴, а в 1943 г. ее отправили в концентрационный лагерь в Риге, и далее: «В 1944 г. в числе пяти тысяч евреев меня вывезли из гор[ода] Риги в гор[од] Данциг (ныне Гданьск в Польше. — *И. Ш.*). Из Данцига нас послали в Штуттофский концентрационный лагерь... а затем... пешком отправили в Берлин (позволю себе высказать сомнение, что именно столица Германии была пунктом назначения заключенных. — *И. Ш.*)... В январе

1945 г. ... нас разместили в тюрьме. 28 января в соответствии с приказом немецкого командования весь лагерь приговорили к расстрелу. Однако, так как Кр[асная] армия пришла раньше намеченного для расстрела времени, весь лагерь был освобожден. После освобождения я... попала в пересылочный пункт (имеется в виду фильтрационный пункт. — *И. Ш.*), где я была 2¹/₂ месяца. 22 апреля 1945 г. я поездом выехала в гор[од] Ригу, куда прибыла 5 мая 1945 г.»¹⁵. Менее чем через две недели С. Кригер была арестована. В обвинительном заключении следователь предлагал присудить ей семь лет исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), поскольку факт «измены Родине» доказать в ходе следствия не удалось. Арестованная не призналась в совершении вменяемых ей преступлений, поэтому она была обвинена как «социально опасный элемент», а это обвинение предполагало применение намного более мягкой статьи. Но рассматривавшее дело С. Кригер Особое совещание не прислушалось «совета» следователя и приговорило ее к пяти годам ИТЛ. Решение совещания по просьбе осужденной было отменено лишь в 1966 г. Между тем в ноябре 1941 г. в Риге были расстреляны 11-летняя дочь С. Кригер, ее мать, отец и другие родственники — узники гетто.

Основанием для арестов переживших Холокост были главным образом доносы. В большинстве дел констатируется, что арест произведен в «соответствии с оперативной информацией». Не во всех делах сохранились доносы, но в некоторых делах они имеются. Это позволяет сделать вывод о том, что доносили как завербованные агенты органов государственной безопасности (в таких случаях обычно донос не прилагался к делу, чтобы не дезавуировать агента), так и весьма многочисленные добровольные помощники — коллеги по работе, друзья, соседи, просто знакомые. Складывается впечатление, что бдительное око некоторых граждан не дремлет никогда. Удивляет только одно: как быстро эти люди поняли, о чем именно надо писать советским репрессивным органам, какая именно информация сможет настолько заинтересовать их работников, чтобы они немедленно начали действовать!

Всего лишь один пример. 16 декабря 1944 г. начальник 8-го подразделения 2-го отдела Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) Латвийской ССР Марычев получил задание произвести расследование в связи с поступившим заявлением следующего содержания: «В Риге на улице Куршу, д. 1, кв. 1 (адрес изменен. — *И. Ш.*) проживает Ханна-Шейна Дакша (урожденная Векслер), 1911 г. рождения, еврейка. Когда пришли немцы, последняя была заключена в “гетто”. Через какое-то время ее освободили и прописали по старому адресу. Находилась в связи с немецкими офицерами, которые часто к ней приезжали на машине, вместе они устраивали увеселительные вечера с выпивками»¹⁶. Донесла на Х.-Ш. Дакшу ее соседка, имя которой есть в деле. Ровно через неделю, 23 декабря, народный комиссар государственной безопасности А. А. Новик подписал ордер на арест. К счастью, судьба бывшей узницы Рижского гетто сложилась относительно благополучно, поскольку в ходе следствия выяснилось, что ей удалось освободиться из гетто благодаря тому, что ее муж был латышом (христианином). В соответствии с указаниями оккупационных властей весной 1942 г. в 1-й городской больнице Х.-Ш. Дакше была сделана операция по стерилизации, затем ее направили на работу на стекольную фабрику. Там работа была организована в три смены, поэтому Х.-Ш. Дакша периодически не ночевала дома. По данному поводу ее вместе с мужем несколько раз вызывали в гестапо, ибо этой категории людей необходимо было соблюдать комендантский час и в обязательном порядке ночевать дома. Однако после выяснения всех обстоятельств гестапо оставило ее в покое.

Следователя особенно интересовали именно визиты Х.-Ш. Дакши в гестапо, поскольку он подозревал арестованную в сотрудничестве с гестапо. До июля 1945 г. ее допрашивали пять раз. Самое удивительное: по делу были допрошены свидетели, что случалось крайне редко. И именно показания свидетелей, которые опровергли все выдвинутые против арестованной обвинения в сотрудничестве с немецко-фашистскими оккупантами, имели решающее значение для прекращения уголовного дела и освобождения Х.-Ш. Дакши из заключения. Это произошло 15 августа 1945 г.

Однако так везло далеко не всем! Дело в том, что в 1944—1946 гг. (и еще даже в 1947 г.) репрессивным органам еще не были даны сверху директивы о «разработке евреев», поэтому в это время следствие идет нормальным ходом — с привлечением свидетелей. Положение резко начало меняться в 1948 г. Именно этот год можно считать рубежом. И связан он, конечно же, не только с внутренними процессами в Советском Союзе, но и с международной обстановкой. Евреи в СССР становятся не только жертвами государственного антисемитизма, но и своего рода заложниками ухудшавшихся отношений СССР, с одной стороны, и остальных стран антигитлеровской коалиции и Израиля — с другой. Если до того времени в ходе следствия не акцентировалась национальная принадлежность арестованных и не она была причиной репрессий, то после сам факт принадлежности к еврейской национальности становится обстоятельством, усугубляющим ответственность, а, например, литература на *иврите или *идише — вне зависимости от ее содержания — вещественным доказательством антисоветской деятельности. После 1947 г., как свидетельствуют уголовные дела, изменяются и ход, и методы ведения следствия. Следователи стали широко использовать тактику запугивания, физического воздействия. В отличие от первых послевоенных лет, когда в ходе следствия допрашивались и свидетели, после 1947 г. это становится исключительно редким явлением. Если свидетели и допрашивались, то только те, кто свидетельствовал против обвиняемого. К тому же очные ставки обвиняемого и свидетелей по делу не проводились. Так что свидетели могли говорить все что угодно или, вернее, то, что от них требовал следователь.

Резко меняется и ход следствия. После 1947 г. оно идет по обкатанному сценарию: запугивание, издевательства над арестованными, выбивание нужных показаний, пытки, карцеры в случае малейшего неповиновения и т.д. Но самое главное, с конца 40-х гг. намного более суровыми становятся и приговоры. Непосредственно после окончания войны, как уже отмечалось, некоторых арестованных после проведения следствия даже освобождали, а основной приговор был пять лет ИТЛ с возможностью освобождения по амнистии. Это значит, что они были осуждены не по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР, которая не предусматривала освобождения по амнистии, а в большинстве случаев — как «социально опасные элементы» — по 35-й статье, осужденные по которой могли получить досрочное освобождение и освобождение по амнистии. После 1947 г. самым «мягким» был приговор 10 лет ИТЛ. Так, арестованный 31 декабря 1951 г. С. Майзель «за измену Родине» и «антисоветскую деятельность» был приговорен к 25 годам ИТЛ с конфискацией имущества. Таков был приговор Военного трибунала внутренних войск МВД Латвийской ССР от 24 марта 1952 г.¹⁷ Он обвинялся в том, что, находясь в Рижском гетто, добровольно пошел на службу к немецким оккупантам, гнал рабочих на каторжные работы, применял к ним репрессии, участвовал в арестах и обысках советских граждан.

Анализ обвинительных заключений позволяет выяснить, какие именно «преступные деяния» бывших узников гетто инкриминировались им советскими репрес-

сивными органами. Первоначально практически все обвинялись в «сотрудничестве с немецко-фашистскими оккупантами» — на «юридическом» языке того времени это означало: «измена Родине». Однако в первые годы после окончания Второй мировой войны это обвинение в ходе следствия зачастую переквалифицировалось или же, как в описанном случае с Х.-Ш. Дакшей, следовало освобождение.

Практически одновременно с Х.-Ш. Дакшей, тоже в мае 1945 г., в Риге была арестована Тамара Дворкина. Хотя в ходе следствия не было доказано, что она «изменила Родине», сотрудничая с немецко-фашистскими захватчиками, что и было зафиксировано в обвинительном заключении, Особое совещание 26 февраля 1946 г. вынесло решение обречь ее как «социально опасный элемент» на пять лет ИТЛ¹⁸. Правда, Т. Дворкину освободили из лагеря через два с половиной года по амнистии, но после этого отправили в ссылку в Красноярский край, и вернуться в Латвию ей удалось только через 18 лет.

И еще один довольно редкий случай из самых первых послевоенных лет. В январе 1945 г. в Риге «Смерш» 3-го Прибалтийского фронта арестовал за сотрудничество с репрессивными органами нацистской Германии Зигфрида Вайнберга. Его положение, несомненно, усугублялось тем, что он был германским евреем и к моменту ареста находился в «активной переписке» (т.е. писал и получал ответы на свои письма) с посольством США в Москве. В своих письмах он просил разрешения выехать в Америку к своим родственникам. Несмотря на то, что посольство отказало ему в этом, сам факт переписки по тем временам уже «тянул» на 58-ю статью, пункт 1а — «измена Родине». Именно это и инкриминировалось З. Вайнбергу непосредственно после ареста. Правда, в данном случае не совсем понятно, какой именно родине он изменил, но следователей это вовсе не смущало. Однако в ходе следствия обвинение в «измене Родине» было снято, но появилось обвинение в том, что З. Вайнберг принимал участие в строительстве Саласпилского концлагеря¹⁹ и военных объектов, а также то, что ему удалось спастись при «подозрительных обстоятельствах». Это фактически единственное из до сих пор выявленных дел, где следователь открыто инкриминирует арестованному «спасение из гетто при подозрительных обстоятельствах», т.е. подозревает подследственного в том, что тому удалось спастись из заключения при помощи оккупантов или же по их заданию.

На выдвинутые против него обвинения З. Вайнберг в ходе следствия пояснил, что был доставлен в Рижское гетто в декабре 1941 г. и вскоре в составе группы из 500 человек был направлен на строительство Саласпилского концлагеря. Затем, уже в мае 1942 г., в составе группы из 100 человек строил спортивную площадку в Солнечном саду²⁰ в Межапарке²¹. После окончания строительства его вернули в гетто, откуда осенью 1942 г. послали на строительство гаража СД в Риге на улице Лачплеша, 44/46. После окончания строительства он продолжал работать в гараже автослесарем. В ходе следствия участие в строительстве и работа в гараже СД квалифицировались как «пособничество деятельности немецкого СД»²². 13 июля 1944 г. З. Вайнбергу и еще нескольким узникам гетто удалось бежать. Побегу следователь уделил особое внимание и по несколько раз уточнял каждую деталь. Вот рассказ арестованного о побеге: «10 июля 1944 г. нас доставили в лагерь на “Ленте” (на территории этой фабрики был создан специальный лагерь для евреев. — *И. Ш.*), где всех женщин постригли наголо, а у мужчин выстригли полосу на голове. У всех одежду пометили желтыми крестами. Мы поняли, что скоро нас уничтожат, и, вернувшись в гараж, решили бежать. У нас была спрятана гражданская одежда, которую мы одели 13.7.1944 г. Днем охраны у ворот не было. В этот день

не было ни начальника гаража, ни его заместителя. Во дворе у машин работали только украинцы из «Власовской армии»²³. Воспользовавшись моментом, мы сбросили свою помеченную одежду, остались в гражданской одежде и убежали через ворота в город»²⁴. Сначала все прятались в подвале у дворника Яниса Каукитиса по улице Видус, 3. Затем группа из восьми человек разделилась. З. Вайнберг и еще трое евреев вплоть до 13 октября 1944 г., когда в Ригу вошли части Красной армии, скрывались на территории принадлежавшей Дидрихсонам мебельной фабрики по улице Цесу, 11.

Срок следствия по делу З. Вайнберга неоднократно продлевался. По делу были допрошены и свидетели, которые подтвердили сказанное им на следствии. Вероятно, учитывая подданство обвиняемого, его дело передали в Министерство государственной безопасности СССР, а самого З. Вайнберга перевели из Риги тюрьму Свердловского управления МГБ СССР, где в июне 1946 г. (через полтора года после ареста!) уголовное дело было прекращено, а сам подсудимый освобожден, поскольку в ходе следствия «не было констатировано активное сотрудничество» с оккупационными учреждениями нацистской Германии.

И, наконец, последний из рассматриваемых в данной статье вопросов: кто выносил приговоры по делам арестованных бывших узников гетто? В подавляющем большинстве случаев это было Особое совещание — внесудебный орган, где дела рассматривались в списочном порядке без адвоката, прокурора и даже самого обвиняемого. Особое совещание, как известно, не обременяло себя вынесением приговора по каждому делу, а выносило решение по нескольким сотням дел одновременно. В подавляющем большинстве случаев этот внесудебный орган в своем решении дублировал срок заключения в ИТЛ или же высшую меру наказания (с конфискацией имущества или без конфискации), рекомендованные следователем в обвинительном заключении. Более того, вместе с уголовным делом в Москву, где принимало свои решения Особое совещание, отправлялся и заранее подготовленный по установленной форме протокол этого совещания. Оставалось лишь указать дату и каким пунктом повестки дня «рассматривалось» данное дело.

Почему же рекомендации следователя в обвинительном заключении и решение, вынесенное Особым совещанием, не всегда совпадали? Дело в том, что в Москве все дела перед включением в повестку дня Особого совещания должен был просмотреть прокурор, который и выносил окончательный вердикт по делу. Он либо соглашался с рекомендацией следователя, либо же имел право переквалифицировать обвинение и соответственно изменить меру наказания. Так что в данном случае судьба заключенного полностью зависела от решения прокурора. А это решение, в свою очередь, часто зависело от того, было ли у прокурора просто время для того, чтобы ознакомиться с материалами дела (о внимательном изучении дела даже не было и речи!), а порой — просто от его настроения. Но обвиняемые этого не знали, и все их надежды были связаны с тем, что в Москве дело рассматривают и решат по справедливости.

В тех случаях, когда в деле, по мнению следователя, было достаточно доказательств преступной деятельности обвиняемого, то дело направлялось на рассмотрение трибунала. В трибунале дела рассматривались без защитника, прокурора и свидетелей, но, в отличие от Особого совещания, в присутствии обвиняемого. Однако и заседание трибунала в значительной степени было формальностью, ибо длилось заседание обычно не более часа, а обвиняемому предоставлялась возможность попросить суд о снисхождении, чего последний не делал, а зачастую выносил приговоры, даже более суровые, чем решения Особого совещания.

Ни одно из выявленных в ЛГА уголовных дел по теме этой статьи не рассматривалось в обычном суде, где должны были быть как адвокат, так и прокурор. Объясняется это явным отсутствием необходимых даже для советского суда сталинских времен доказательств вины подсудимого. Иногда в делах имеется резолюция прокурора, направлявшего дело на рассмотрение Особого совещания «ввиду отсутствия достаточных доказательств».

Естественно, что в рамках одной статьи невозможно детально проанализировать все дела арестованных советскими репрессивными органами евреев, переживших Холокост. Тем более что работа по выявлению и анализу этих дел еще далеко не завершена.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. прим. 3 на с. 170.
- ² См. прим. 23 на с. 117.
- ³ Особо хотелось бы выделить сборник документов и материалов «Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941—1948. Документированная история» (М., 1996), подготовленный совместными усилиями российских и израильских исследователей, и объемистую монографию Г. В. Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» (М., 2001).
- ⁴ См. прим. 3.
- ⁵ В ЛГА эти материалы хранятся и доступны исследователям с 1996 г.; до этого они находились в распоряжении Генеральной прокуратуры Латвийской Республики, куда были переданы после прекращения деятельности КГБ на территории Латвии в 1991 г.
- ⁶ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 148, л. 14—22.
- ⁷ No NKVD līdz KGB. Politiskas prāvas Latvijā, 1940—1986: Noziegumos pret Padomju valsti apsūdzēto Latvijas iedzīvotāju rādītājs // R. Viksnes un K. Kangera red. R., 1999.
- ⁸ ЛГА, ф. 1986, оп. 1, д. 39198, л. 49.
- ⁹ Начиная с 1940 г. жителей Латвийской ССР судили в соответствии с Уголовным кодексом соседней республики — Российской Федерации. Это продолжалось до 1961 г., когда был принят Уголовный кодекс Латвийской ССР.
- ¹⁰ Об этих людях см.: *Шнейдере И.* Замыслы и реальность: евреи в Латвии в 1945—1953 гг. // Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф., Рига, 25—27 окт. 1999 г. Рига, 2000. С. 437—445.
- ¹¹ ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. 1550, л. 117.
- ¹² Там же, оп. 1, д. 6861, л. 34.
- ¹³ «Смерш» — официальное название органов советской военной контрразведки, которые с началом войны были выведены из состава наркоматов обороны и военно-морского флота, преобразованы в особые отделы и подчинены Наркомату внутренних дел (НКВД). Постановлением Государственного комитета обороны СССР от 14 апреля 1943 г. в системе Наркомата обороны было образовано Главное управление контрразведки («Смерш» — «Смерть шпионам»). Аналогичное управление было создано и в Наркомате военно-морского флота. В мае 1946 г. органы «Смерш» были преобразованы в особые отделы, подчиненные Министерству государственной безопасности СССР. — *Ред.* Подробнее о деятельности «Смерш» на территории Латвии см.: *Jansons R., Zālte I.* LPSR valsts drošības dienesta izveidošana un tā galvenie represīvie uzdevumi 1944. — 1956. gadā // *Totalitārie režīmi un to represijas Latvijā 1940.—1956. gada: Latvijas Vēsturnieku komisijas 2000. gadā pētījumi.* R., 2001. 384.—388. lpp.
- ¹⁴ «Малое гетто» — особый трудовой лагерь на территории Рижского гетто, куда незадолго до ликвидации «большого гетто» (в конце ноября 1941 г.) были переведены около 4500 трудоспособных евреев-мужчин. — *Ред.*
- ¹⁵ ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. 4941, л. 12.
- ¹⁶ Там же, д. 1787, л. 45.

¹⁷ Там же, оп. 1, д. 6861, л. 254.

¹⁸ Там же, д. 3693, л. 6—7.

¹⁹ Саласпилский концлагерь был местом заключения и массового уничтожения людей на оккупированной нацистами территории Латвии, находился в Рижском уезде. Начал создаваться в октябре 1941 г. как место заключения евреев, вывезенных из европейских стран, однако с 1942 г. туда стали заключать местных жителей и депортированных жителей западных областей России и Белоруссии. В их истязании участвовали как нацистские оккупанты, так и их местные пособники; широко практиковалось взятие крови у детей для нужд медицинской службы германских войск. Имеющиеся в литературе данные о количестве узников и жертв концлагеря противоречивы (в советских изданиях обычно указывается, что в лагере одновременно находились 14—25 тыс. узников, а число жертв составило 53 тыс. человек, в том числе 7 тыс. детей). Согласно новейшим исследованиям, в 1943—1944 гг. в бараках концлагеря постоянно содержались 2000—3000 узников, число умерших не превышало 2000, а число прошедших через Саласпилс как транзитный лагерь не превышало 12 тыс. человек. В лагере содержались главным образом латыши, но в 1941—1942 гг. было велико число евреев, а в 1943 — белорусов. При отступлении гитлеровцы, заметая следы своих преступлений, уничтожили лагерь, а часть его заключенных вывезли в концлагеря на территории Польши и Германии. В 1967 г. на месте концлагеря был открыт Саласпилский мемориальный ансамбль. См.: Саласпилс. 3-е изд. [Рига, 1982.]; Тимошенко Л. Дети и война. Даугавпилс, 1999. С. 211—244; Strods H. Salaspils koncentrācijas nometne (1941. g. okt. — 1944. g. sept.) // Latvijas Okupācijas muzeja gadagrāmata, 2000. R., 2001. 87.—153. lpp. — *Ред.*

²⁰ Солнечный сад (латыш. *Saulesdārzs*) находится в Межапарке (см. прим. 21); названием обязан установленным в нем солнечным часам. До Второй мировой войны в саду проводились детские и трудовые праздники, другие культурные мероприятия, в советский период (с 1963 г.) в нем находилась Центральная станция юных натуралистов. — *Ред.*

²¹ Межапарк — часть города Риги, занимающая природный лесопарк и застроенная преимущественно особняками. — *Ред.*

²² ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. 2360, л. 13.

²³ По имени А. А. Власова (1901—1946), бывшего советского генерала, командовавшего 2-й Ударной армией на Волховском фронте, оказавшегося весной 1942 г. в окружении и сдавшего в плен. Возглавил сформированные из предателей и насильно мобилизованных советских военнопленных войсковые формирования в составе вооруженных сил нацистской Германии под названием «Русская освободительная армия». В мае 1945 г. был захвачен советскими войсками и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен. — *Ред.*

²⁴ ЛГА, ф. 1986, оп. 2, д. 2360, л. 13.